СОВЕТСКАЯ АБХАЗИЯ
г. СУХУМИ
× 9 ФЕВ 1972

Премьера — 2 янв 1972, Новости — Советская Абхазия, 1972, 2/I

Премьера в театре „АЛАМЫС“

Три новеллы известного абхазского писателя Михаила Лакербая легли в основу спектакля «Аламыс», премьера которого состоялась в последних числах января. Со сцены Сухумского государственного драматического театра им. С. Я. Чанба вновь прозвучали слова о вышней любви, дружбе, честности. Герои Михаила Лакербая, 70-летие со дня рождения которого широко отмечалось недавно, вновь «пришли» из своего далекого прошлого, чтобы поговорить с людьми, поведать об аламысе, который соединяет в себе такие понятия, как честь, совесть, долг.

Попытка абхазского театра перевести на язык сцены новеллы талантливого писателя — явление вполне закономерное. В последние годы на театральных сценах страны, на телевидении и в кино все чаще появляются произведения, повествующие о прошлом родного народа, о его красоте и благородстве, о непримиримой борьбе с социальным угнетением, мракобесием и невежеством, губившими прекрасные, ежемгнутно идущие людей. Нашему современнику небезынтересно знать, в каких социально-политических условиях формировались мировоззрение людей, представления о чести и долге, как складывались те или иные обычаи. Многое из того, что в дореволюционном прошлом считалось положительным и обязательным, отвечающим требованиям традиций, сегодня уже неприемлемо. Социалистическая общность людей, строящих коммунизм, привнесла много нового в обычаи народа, обогатила традиции, отмела вредное, отжившее.

Зритель, который с волнением следил за развивающимися событиями на сцене Сухумского театра, понимал, что все это было в иное время, что сегодня ни одна абхазская семья не упрекнет убийцу. Брат, предатель родины не может нежить убийцу у очагом дома... «Аламыс» в прошлом позволял обращение с подлецом, как с живым. Горец мог отдать свою невесту другу... Но сегодня — это обычаи прошлого, неприемлемые для нашего современника, руководствующегося принципом: «Человек человеку — друг, товарищ и брат».

Спектакль «Аламыс» — о прошлом. И давайте судить о нем с понимаемыми задачами, какие выдвигали перед собой постановщики, раскрывающие для нашего времени дела минувших дней.

Первая новелла, с которой начинается спектакль, — «Аргун Сейдык». Перед нами задумчивый, чуть хмурый, с умными, спокойными, порой пристальным взглядом красивый и сильный старик Сейдык (заслуженный артист Абхазской АССР Ш. Гицба), веселая, живая-радостная жена Сейдыка (народная артистка Грузинской ССР М. Пачалиа), их сын Дата (артист А. Мукба). Все они искренно вживаются в яркий абхазский национальный орнамент, использованный в оформлении спектакля художником Т. Жвания. В семье идет разговор о долге человека перед обществом, перед самим собой. Разговор ведется в тот момент, когда появляется второй сын Сейдыка — Дамей (заслуженный артист Абхазской АССР А. Ермолов). Дамей сообщает родным о намерении жениться. Эта весть чрезвычайно радует всех. У старого героя Сейдыка теплеет глаза, его жена не может удержаться от радостного восклицания. Дата, казалось, на седьмом небе... Задорная, веселая музыка (композитор Р. Гумба) плетет в сон Сейдыка, как весенняя листочка, и завершает первую картину.

Мажорно начинается и вторая картина — в доме Расты (заслуженный артист Абхазской АССР М. Зухба), отца невесты. Сват Керым (заслуженный артист Абхазской АССР А. Танна) — красноречивый, остроумный человек, знающий, как вести себя в щекотливых ситуациях, поговорив о том, о сем, наконец, решается начать разговор, ради которого пришел. Взволнованно и немного торжественно сообщает он хозяину, что сын всеми уважаемого Аргуна Сейдыка — Дамей просит руки его дочери Наилы. Молчит Расте: неловко сразу ответить на такую просьбу. Все остальные, словно в оцепенении, ждут ответа. Но вот, придя в себя, степенным, доброжелательным взглядом обводит гостей. Раста дает согласие. Вспыхивает в доме радость, посыпались тосты в честь будущей семьи. По просьбе гостей выходит Наила (заслуженная артистка Абхазской АССР В. Мания). И уже не может оторвать взгляда от Наилы Дата, младший брат Дамея. В ответном взгляде Наилы, брошенном на парня, начало трагедии, обрушившейся неожиданно на эти две семьи. Мучительная борьба между стремлением к счастью и исполнением долга происходит в душе Дати. Долгие обсуждения, споры с другом Керимом не смогли отговорить выжорет юношу. Нарушив закон вер, преступив закон, он с любимой бежит из дому. Рушится спокойная, радостная жизнь семьи Сейдыка. Мучается Дамей, он готов убить Дату, но брат есть брат, пролить родную кровь преступно.

Следующая сцена: перед старшим братом стоит, опустив голову, Дата. Он хочет искупить свою вину, надеется на милосердие брата. Но неумолимый Дамей, не захотев даже поговорить с ним, отзывает брата к отцу на семейный суд: отец воспитал его, пускай он и пожинает плоды своих трудов.

Финальная сцена. Опять дом Сейдыка. В той же позе, с поникшей головой, в ожидании решения отца стоит Дата. Сейдык делает паузу в разговоре, медленно приближается к сыну и пристально смотрит на него. Его взгляд осуждает одновременно и себя, и сына. Затем, круто повернувшись, он направляется в проход, образовавшийся расступившимися людьми. Он удаляется все дальше и дальше. Все замерли в ожидании развязки, и она наступает... Раздается выстрел. Сейдык решил наказать себя за то, что вовремя не сумел вразумить сына, что нельзя нарушать неписаный закон аламыса.

Надо отметить, что постановщик спектакля — один из старейших режиссеров абхазского театра, заслуженный артист Абхазской АССР М. Зухба, отдав повести Сват Керым (заслуженный артист Абхазской АССР А. Танна) — красноречивый, остроумный человек, знающий, как вести себя в щекотливых ситуациях, поговорив о том, о сем, наконец, решается начать разговор, ради которого пришел. Взволнованно и немного торжественно сообщает он хозяину, что сын всеми уважаемого Аргуна Сейдыка — Дамей просит руки его дочери Наилы. Молчит Расте: неловко сразу ответить на такую просьбу. Все остальные, словно в оцепенении, ждут ответа. Но вот, придя в себя, степенным, доброжелательным взглядом обводит гостей. Раста дает согласие. Вспыхивает в доме радость, посыпались тосты в честь будущей семьи. По просьбе гостей выходит Наила (заслуженная артистка Абхазской АССР В. Мания). И уже не может оторвать взгляда от Наилы Дата, младший брат Дамея. В ответном взгляде Наилы, брошенном на парня, начало трагедии, обрушившейся неожиданно на эти две семьи. Мучительная борьба между стремлением к счастью и исполнением долга происходит в душе Дати. Долгие обсуждения, споры с другом Керимом не смогли отговорить выжорет юношу. Нарушив закон вер, преступив закон, он с любимой бежит из дому. Рушится спокойная, радостная жизнь семьи Сейдыка. Мучается Дамей, он готов убить Дату, но брат сам любит девушку, ради дружбы решает уступить ее Темыру, сам приходит за ней в дом. Темыр же, узнав, что Шазина и Бомат любят друг друга, собирает друзей и возвращает Шазину домой. Спектакль завершается тем, что Темыр кинжалом отрубает свой мизинец, которым прикоснулся к Шазине.

Автор сценического произведения А. Мукба не отошел от новеллы, он даже кое в чем обогатил ее, придав ей законченную, лаконичную сценическую форму. Актеры Ш. Гицба, А. Ермолов и особенно заслуженная артистка Абхазской АССР Виолетта Мания с большой теплотой, неподдельной искренностью исполняют свои роли. И тем не менее встает вопрос о самом главном — стоило ли через увеличительное стекло, каким является сцена, показывать лживую дружбу двух мужчин, дружбу, рожденную не в бою, не в труде, не в испытаниях, а за пиршественным столом. Дружбу, ради которой предается любимая, топчется ей искренне чувство. Ведь театр всегда должен ставить перед собой вопрос: о чем говорит современному зрителю та или иная постановка, какой путь указывает она прошлое с настоящим?

В третьей, заключительной новелле («Гость») особенно заметно слияние мыслей и чувств всех создателей спектакля и, первым долгом, — автора инсценировки А. Мукба и режиссера Ш. Пачалиа.

Спокойно в доме престарелого Ханаша (заслуженный артист Абхазской АССР А. Танна). И вдруг в распахнутых дверях вырастает фигура молодого человека, статного, в белой бурке. Гостеприимный хозяин спешит навстречу гостю, но, не успев даже поздороваться с ним, слышит сбивающуюся просьбу незнакомца — дать ему убежище, потому что за ним гонятся, або он в порыве гнева убил человека. Так начинается эта небольшая, но полная драматизма новелла. На вопрос Ханаша, чем вызвано убийство, гость (заслуженный артист Абхазской АССР Р. Джопуа) отвечает резко: «Кто не защитит свою честь, тот не человек». Ханаш пытается вразумить гостя, убеждая его, что нельзя убивать человека, что люди рождены для служения высоким целям, но его прерывает шум приближающихся людей. Ханаш помогает незнакомцу укрыться, ибо по законам тех далеких дней нужно было помочь всякому, кто просил убежища в твоем доме во имя спасения своей жизни. Не успел Ханаш вернуться, как в дом вошли четверо в черных бурках и молча остановились посреди комнаты. Хозяин замирает на месте в ожидании вопроса. Гнетущую тишину нарушает наступший вперед Хабгур (народный артист Грузинской ССР М. Кове): «Крепись, Ханаш...» — так начинает он и завершает словами: «...твой сын убит». Дрогнул Ханаш, словно пуля пронзила его сердце. С первых же слов трагического сообщения Ханаш буквально стареет на глазах. А на смене — гнетущая тишина. Молчание уже кажется зловещим, все вопросительно смотрят на хозяина. И вот он заговорил: «Хабгур, друзья мои, кто виноват?». Эти слова, произнесенные для четверых неожиданно, произнесены какими-то «разорванными», с металлическим отзвуком голосом. Все опустили головы, никто не отвечает на вопрос. Подойдя вплотную к вестникам несчастья, Ханаш внимательно вглядывается в каждого. Ханаш понял, что виноват его сын. Лицо на миг становится суровым. Горе, жалость к сыну, как бы отступают от его сознания. Он даже старается подтянуться, физически побороть свое горе, но это не надолго.

Еще более захватывающе проводит А. Танна финальную сцену. Ханаш держится с достоинством, спокойно убеждая односельчан в том, что каждый получает по заслугам: сделал хорошее — по-хорошему отплатит, плохое сделал — тоже в долгу не останутся. А если оскорбил честь человека, жизнью заплатишь... Затем он медленно берет пистолет гостя и возвращает ему, тем самым освобождая его от вины. Но когда гость опустился на колени и прикоснулся к его рукам, Ханаш вздрагивает, словно почувствовав прикосновение именного жала. Но это всего миг, и опять он продолжает разговор о достоинстве человека, о его месте в жизни, о том, что надо щадить друг друга.

Кульминационная точка спектакля. Ханаш произносит «Идиз», — и гость медленно удаляется к выходу. В это время Батал (заслуженный артист Абхазской АССР С. Саканиа) порывается отомстить за друга, но пронзительный взгляд Ханаша приковывает его к месту: аламыс не велел абхазцу убивать гостя. Ушел убийца, молча, разошлись и остальные. Остался Ханаш со своим горем один на окне. И вот тут-то подкосились его старые ноги, заблестели глаза, громко и горестно вздохнул он и полились неудержимо слезы, вылилось наружу все горе отца, потерявшего единственного сына.

Надо сказать, что актер А. Танна принятие удлина своим умением глубоко раскрыть трагический образ, ведь артист привыкли к нему, как к актеру комедийного плана.

Итак, еще одна новая премьера, новый спектакль из абхазской жизни. Конечно, есть в нем и недостатки. Но главное в том, что в театр пришел новый, молодой драматург А. Мукба и вырастил крупный актер и режиссер Ш. Пачалиа. Это обещает в будущем интересные, запоминающиеся спектакли.

А. АРГУН,
кандидат искусствоведения.

На снимках: слева — сцена из новеллы «Аргун Сейдык». В роли Керима — заслуженный артист Абхазской АССР А. Танна, Даты — артист А. Мукба и Сейдыка — заслуженный артист Абхазской АССР Ш. Гицба. Справа — эпизод из новеллы «Гость». На переднем плане А. Танна (Ханаш), за ним — народный артист Грузинской ССР М. Кове (Хабгур) и артист С. Габиа (Леуа).